

Призраки былого города (ностальгические заметки)

"Есть три эпохи у воспоминаний", – писала Ахматова в "Северных элегиях". Так вот я уже у истоков третьей, последней, когда –

...нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать.
И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем.
...бежим туда, но (как во сне бывает)
Там всё другое: люди, вещи, стены,
И нас никто не знает – мы чужие.
Мы не туда попали. Боже мой!

Мне приходят на ум эти строки, когда я брожу по моему родному – и такому чужому теперь – городу. В нём всё теперь не так, как было когда-то, как помнится сердцу. Проспект Кирова не был таким многолюдным и показушным, по нему ходили троллейбусы и обычные, спешащие по своим делам люди. Не было этих пестрящих иностранных вывесок, этих "ликующих, празднично болтающих", модно одетых толп, вечно что-то жующих или пьющих на ходу, не было и нищих с табличками, беженцев с детьми, уличных певцов и музыкантов, ставших уже неотъемлемой частью городского пейзажа. Раньше я не могла дойти до угла, не встретив двух-трёх знакомых, не улыбнувшись одному, не

кивнув другому, не перекинувшись словом с третьим. Теперь знакомые лица встречаются всё реже, толпа обтекает меня, как инородное тело, не окликая, не задерживаясь взглядом. Город перестал держать меня за свою. Он напряжённо морщится, силясь вспомнить обстоятельства нашего знакомства, и, так и не вспомнив, проходит мимо. Это обидно, как предательство. Он – надменный равнодушный Печорин, я – незамеченный смешной и жалкий Максим Максимыч. Улица – оборотень. "Наша улица! Уже не наша... Столько раз по ней! Уже не мы..."

Вот здесь был когда-то старый "Пионер" с билетами по 10 копеек, с танцами под баян перед киносеансом, где я посмотрела свой первый в жизни фильм "Приключения Синдбада-морехода", на который меня, шестилетнюю, привёл за ручку живой ещё брат. Сейчас здесь тоже кинотеатр, и даже вывеску с прежним названием оставили – для экзотики? Для смеха? – но это уже совсем не то. Как-то мы пошли туда с Давидом на какой-то фильм, который давно хотели посмотреть, но вскоре выскочили, не дождавшись: минут 25 шла реклама, причём с таким оглушительным звуком, что лопались перепонки. Не знаю, как другие терпели, мы не смогли. Внутри там сейчас роскошное фойе, где беспрерывно чем-то торгуют.

А напротив стоял старенький кинотеатр "Летний", где было так райски прохладно в знойный полдень. Там посреди двора бил фонтан, куда все по традиции бросали медные монеты. И я тоже бросала, а вот не помогло сюда вернуться. Не сбылась примета. "Прошлое, пусти меня, пожалуйста, на ночь... Прошлое! Я просто пришёл погреться..." (Л. Губанов).

А вот мои родные "Липки", куда меня ещё в детстве водил отец. Здесь

было летнее кафе, где мы ели мороженое в металлических вазочках. Когда он мне читал Маршака: "Сахарно морожено на блюдечки положено", я всегда вспоминала это кафе. Сейчас здесь торгуют мороженым в брикетах.

Убрали памятник Горькому и вообще все бюсты писателей. Зачем? Это вносило какую-то духовность. А чем новые памятники лучше прежних? Эта ужасная абракадабра перед зданием областного правительства под названием "сердце города", которую я про себя называю "позор города", а в народе прозвали "инфаркт миокарда"? Или памятник бесполом влюблённым на набережной, состоящий из соприкасающихся профилей-близнецов, ни в одном из которых невозможно опознать женщину? Его даже памятником гомикам не назовёшь, настолько, судя по плотно сжатым губам и непримиримым подбородкам, эти двое друг друга ненавидят. И даже помпезный памятник Столыпину рядом с областной Думой меня не утешает. Среди окружавших его четырёх символических фигур: хлебопашца, рабочего, воина и священника – явно не хватает ещё одной – представителя интеллигенции. И вот это символичней всего.

Исчез Летний кинотеатр, что был напротив Дома офицеров, где я впервые посмотрела потрясший меня фильм "Монолог". На его месте сейчас какой-то невразумительный памятник, – круглая плита, рассечённая на две части, то ли морякам, то ли солдатам, не разобрать. Я бреду, не узнавая ни дома, ни улицы, ни воздух, ни души. "Нет, ребята, всё не так." "Не тот это город, и полночь не та..." Только деревья на месте: разрослись, вымахали, – липы, ели, тополя.

А вот здесь в подвальчике на углу Вольской была очаровательная "Чебуречная", где мы любили сидеть с Давидом. За два рубля тут можно было заказать пару аппетитных сочных чебуреков с кофе и сидеть, сколько хочешь, наслаждаясь уютом, приятной ненавязчивой музыкой и полной иллюзией уединения. В первый год перестройки тут открыли кафе "Азербайджанская кухня", куда мы по инерции зашли, но ушли, плюясь на эту скверную кухню и дикие цены. А сейчас здесь и вовсе какой-то ресторан не для простых смертных.

Я иду и отсчитываю потери. Прохожу по Бабушкину взвозу мимо бывшего дома отца, спускаюсь к воде. Волга мёртвая – ни моторок, ни пароходов. На аллеях не стало лавочек. Кому они мешали? Или наоборот, кому-то понадобились? На Набережной безлюдно – и это в летний выходной!

Весь гуляющий люд сконцентрирован на Проспекте. На Набережной когда-то славилось кафе "Юность", где поэты читали стихи, проводились поэтические конкурсы и турниры. Рядом была библиотека, чуть поодаль – магазин "Книги", куда мы часто заходили с Давидом. Сейчас на их месте магазины для богатых и пиа-бизнес-центры. А на месте моего любимого кафе "Лакомка" вырос ресторан с "гостеприимной" табличкой на дверях: "Туалет 5 р". На каждом углу – бесчисленные бары, закусовые, казино, где по два-три человека, а то и вовсе пусто. Как будто вся жизнь только в этом – жрать, пить, просаживать деньги. Нам подменили жизнь. Подменили народ. Разве дело только в том, что мы тогда были молоды? Содержание жизни было другое. Да, не было игровых автоматов, жвачек и чипсов. Но разве они сделали нас счастливее? "И гадко в

этом мире гадком жевать вчерашний пирожок" (Г. Иванов). Душа ушла из города. Человечность ушла.

Как-то поздним вечером мы возвращались с Давидом из гостей домой. Шли по незнакомой улице мимо каких-то недостроенных высотных зданий, и в темноте зияющие ямы окон вдруг напомнили мне разрушенные войной дома. Что-то зловещее, чеченское виделось в этом пейзаже на фоне ночного мрака. Улицы были безлюдны, и только возле одного подъезда смутно маячила компания пьяных. Подвыпивший голос повторял: "Вот знаешь, в чём моё удивление?.. Знаешь, в чём моё удивление?" Мы прошли мимо, так и не узнав, в чём было его удивление. Я машинально отметила в уме эту чисто платоновскую фразу. И вдруг пронзило чувство какой-то ирреальности происходящего. Словно я смотрю на всё это с того света. "Как души смотрят с высоты на ими брошенное тело."

Позже я прочла в воспоминаниях Бродского одно место, поразившее меня сходством с моим ощущением того вечера: *"В этом городе я не знаю ни души... Я брёл по какой-то бесконечной главной улице, с ревущими клаксонами, запруженной то ли людьми, то ли транспортом, не понимая ни слова, – и вдруг мне пришло в голову, что это и есть тот свет..."* А потом почти то же я прочла в стихах Инны Кабыш:

Я городом шла наугад,
Где много огней золотых...
И вдруг охватил меня страх,
Страшнее которого нет
А что, если этот — в огнях —
Не город уже, а тот свет?

* * *

...И огни светофоров,
И скрещения розовых фар.
Этот город, который
Чётче, чем полуночный кошмар...
(Б. Рыжий)

Город призраков, город монстров,
Как хрипит он в петле погостов...
(П. Шаров)

Душе страшно. Ей кажется, что одно за другим отсыхает всё, что её животворило. Ей кажется, что отсыхает она сама.

После смерти я выйду за город, который люблю,
И, подняв к небу морду, рога запрокинув на плечи,
Одержимый печалью, в осенний простор протрублю
То, на что не хватало мне слов человеческой речи.
Как баржа уплывала за поздним закатным лучом,
Как скворчало железное время на левом запястье...

(С. Гандлевский)

Но я храню сбережённые, как в летаргическом сне, свои драгоценности:
нетронутые святыни, просроченные прозрения, бесполезные идеалы. "Что
делать с тоской? Плакать? Молиться?" (П. Шаров).

Ты молилась, земля наша?
Как тебя мы любили!

(А Вознесенский)

И думаю: о жалкие умы,
Предметы не страшатся разрушенья,
Вернее, всё, что разрушаем мы,
В иное переходит измеренье.

(Б. Рыжий)

Я заметила, что гораздо лучше нахожу общий язык с поэтами из книг, чем с людьми "без шестых чувств" из реальной жизни. В той виртуальной реальности я чувствую себя в своей стихии, в своей тарелке. Я нахожу в их строчках созвучье своим мыслям и переживаниям, и от этого легче. Хождение по мукам сменяется (или смягчается) хождением по Музам. А недавно я получила письмо от одной моей слушательницы, из которого поняла, что в этих своих ощущениях не одинока.

"Когда человек перестает активно работать, – пишет Тамара Васильевна Усанова, – суживается круг его общения, он реже бывает на людях. И когда появляется на улице, ему кажется, что в городе что-то изменилось, что-то не так. Он обнаруживает, что не встречает более знакомых или полужнакомых, привычных лиц, которым когда-то улыбался, с которыми здоровался. Придя сюда, я вдруг увидела этих людей здесь, в вашей аудитории. Это те, в ком всегда была сильна тяга к Прекрасному, они бескорыстно и преданно любили и любят нашу словесность, нашу культуру. С радостью видишь среди них молодые, красивые, умные лица. И тогда понимаешь, что не всё плохо, есть ещё надежда. И это замечательно."

Да, здесь, на своих вечерах в библиотечном зале, я встречаю те лица, те глаза и улыбки, которых давно не вижу на улицах моего города. Это последний крохотный островок душевной чистоты и живой мысли среди всеобщего океана пошлости и бездуховности, который ещё уцелел, чудом сохранился. Это им, "людям с хорошими лицами, искренними глазами" я посвятила эти стихи:

Среди сплошной безликости
Не устаю дивиться:
Как их судьба ни выкосит –
Есть они, эти лица!

Вихри планеты кружатся,
От крутизны шалея.
Думаю часто с ужасом:
Как же вы уцелели,

В этом бездушье выжженном,
Среди пигмеев, гномов, –
Люди с душой возвышенной,
С тягою к неземному?

Вечно к вам буду рваться я ,
В зал, что души бездонней,
Радоваться овациям
Дружественных ладоней.

И, повлажнев ресницами,
Веровать до смешного:
Люди с такими лицами
Не совершат дурного.

Я вас в толпе отыскиваю,
От узнаванья млея,
Я вас в себе оттискиваю,
Взрачиваю, лелею.

Если б навеки слиться мне
С вами под небесами, –
Люди с хорошими лицами,
С искренними глазами...

Август 2002 г.

